

Начальные школы при горнозаводских предприятиях Колывано-Воскресенских горных заводов в XVIII в.

Б.В. Бабарыкин, В.А. Скубневский

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Initial Schools at Mining and Metallurgical Enterprises in the Kolywano-Voskresensk Mountain Factories in the XVIIIth Century

B.V. Babarykin, V.A. Skubnevsky

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается история возникновения начальных школ при заводах и рудниках Колывано-Воскресенских горных заводов в XVIII в. Открываются ранее не известные исторические факты. Особое внимание уделено проверке и пересмотру закрепившихся в исторических исследованиях мнений. Авторы реконструируют процесс функционирования заводских школ: механизмы управления, список учебных предметов, методику преподавания. Подчеркивается связь школ Колывано-Воскресенских и Уральских заводов. Анализируется численность учеников. Описывается практика отправки школьников к разбору руд Змеиногорского рудника. Рассмотрен институт ученичества, широко распространившийся с 1760-х гг. Обучение школьников всем видам горных и заводских производств стало важнейшим элементом профессиональной подготовки. В заключение делается вывод о том, что со строительством новых предприятий и производственных мощностей возрастала потребность в квалифицированных рабочих и управляющих нижнего и среднего звена. Во второй половине XVIII в. возникла необходимость в отечественных специалистах со среднетехническим образованием, что стало причиной последующего открытия Барнаульского горного училища.

Ключевые слова: Кабинет ее императорского величества, Колывано-Воскресенские заводы, заводские школы, профессиональное образование.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-06

Одним из проблемных вопросов истории просвещения в Западной Сибири является установление времени открытия первой начальной школы при Колывано-Воскресенских горных заводах в XVIII в., положившей начало светскому образованию на Алтае.

The article considers history of the elementary schools at Kolywano-Voskresensk factories and mines in the XVIIIth century. The consideration is given to previously unknown historical facts. Particular attention is paid to the verification and revision of the entrenched historical research opinions. The authors reconstructed the process of factory schools functioning: control mechanisms; list of school subjects; teaching methods. The emphasis is made on the connection of schools of Kolywano-Voskresensk and the Ural factories. The article analyzes a number of schoolchildren; describes the practice of sending of schoolchildren to collate ores of Zmeinogorsk mine and the institution of apprenticeship which was widely spread in the 1760s. Education in all spheres of mining and factory production was an essential element of training. Finally, it is concluded that the construction of new enterprises and production capacity created the demand for skilled workers and managers of the lower and middle levels. The 2nd half of the XVIIIth century demanded domestic specialists with secondary education, which led to the subsequent opening of the Barnaul Mining School.

Key words: the Cabinet of Her Imperial Majesty, Kolywano-Voskresensk factories, mining schools, professional education.

Алтайский краевед С.И. Гуляев считал, что первая словесная школа на Алтае была открыта в 1747 г. при Барнаульском заводе [1, л. 17–41]. По мнению другого краеведа, П.Е. Семьянова, первые школы были открыты по приказу Прокопия Акинфиевича Демидова в 1739 г. при Колыванском и Барнаульском

заводах. В Колыванском заводе полагалось устроить две школы: арифметическую для обучения арифметике и геометрии и словесную, в которой должны были обучать чтению и письму. В Барнаульском же заводе только словесную школу, а для обучения арифметике и геометрии надлежало посылать школьников в Колыванский завод [2, л. 3]. Обе приведенные точки зрения не подтверждаются документально. Интересно мнение П.Е. Семьянова, собиравшего материалы по истории просвещения в Сибири и на Алтае [3, л. 1–69]. Им были составлены две краткие заметки под заглавием «Первые школы в Алт. крае» (черновой и чистовой варианты), в которых он утверждал, что в начале XX в. он, будучи делопроизводителем Земельной части Алтайского округа, совместно с архивариусом Н.С. Гуляевым обнаружил дело «О заведении школ на Колыванских заводах», относящееся к Демидовскому периоду [2, л. 3–4, 146–148об.].

Обе заметки содержат в себе ряд несоответствий, а некоторые из указанных фактов не подтверждаются историческими реалиями. Так, утверждение, что Барнаульская словесная школа была основана в 1739 г., представляется более чем сомнительным ввиду того, что в этом году было только начато строительство самого завода. Показательным является то, что инициативу в учреждении заводских школ на Алтае П.Е. Семьянов приписывает Прокопию Демидову или его приказчикам. Между тем широко известно, что просветительские действия В.Н. Татищева по устройству школ на Урале натолкнулись на открытое противодействие со стороны заводчиков [4, с. 58–59, 70–72].

П.П. Костенков и Е.В. Петунина справедливо отметили: «Казенные школы на Алтае не могли возникнуть раньше того времени, когда были конфискованы и переданы в управление царского Кабинета демидовские предприятия», т. е. 1747–1751 гг. [5, с. 172].

По нашему же мнению, полностью совпадающему с мнением, высказанным историками В.Б. Бородаевым и А.В. Контевым, первая государственная школа на Алтае могла появиться в 1735 г. и действовать до осени 1737 г. при Колыванском заводе [6, с. 54].

В феврале 1735 г. с Урала на Алтай прибыла команда горных специалистов во главе с майором Леонтием Угримовым. В результате демидовские приказчики были отстранены от управления предприятиями. Так, по инициативе В.Н. Татищева, совсем недавно назначенного руководителем Главного правления Сибирских и Казанских заводов, алтайские предприятия на 1735–1737 гг. были взяты в собственность государственной казны. Учреждалось Томское и Кузнецкое горное начальство, разместившееся в Колыванском заводе, а сам завод получил наименование Томский [7, с. 150]. Единственным документальным подтверждением деятельности словес-

ной школы при Томском Колывано-Воскресенском медном заводе является счет расходования казенных средств на 1737 г., в котором среди прочего заводского имущества указаны: Книг печатных: Псалтырей — полулистовая 1, четвертных 7 на 7 руб. 25 коп.; Часословов — 27 на 17 руб. 55 коп.; Азбук — 36 на 1 руб. 8 коп. [8, л. 157]. Выше, в этом же счете, упоминается, что некие книги приобрел и доставил на Алтай с другими «путевыми припасами» поручик Исая Лукашев, отправленный из Екатеринбурга в 1735 г. [8, л. 152об.]. Таким образом, словесная школа при «Томском Колывановоскресенском медном заводе» осуществляла свою деятельность на тех же основаниях, что и уральские школы, устроенные по распоряжению В.Н. Татищева.

Как отмечают В.Б. Бородаев и А.В. Контев, подтверждением существования словесной школы на Алтае в 1735–1737 гг. является тот факт, что после обратной передачи Колыванского завода демидовским приказчикам в 1737 г. вместе с переносом Томского горного начальства на Енисей, где начали строить казенные Красноярские заводы, туда же перевезли и семь десятков названных «учебников» [6, с. 56]. В 1739 г. на Красноярских заводах уже действовала словесная школа. По сведениям Г.Ф. Миллера, в ней обучалось 53 ученика в возрасте от 7 до 15 лет [9, с. 78].

Датой основания словесной школы в поселке Барнаульского завода традиционно считается 18 января 1753 г., когда определением Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства по повелению Кабинета было принято решение об ее учреждении [10, л. 10–11, 17об.–19]. Между тем до настоящего времени исследователями не был проведен исторический анализ данных документов.

Из повеления Кабинета, полученного в Горной канцелярии 29 декабря 1752 г., следует, что первое распоряжение о заведении «...по числу тамошнего людства, хотя небольшой школы, в которой и обучать мастеровых людей детей читать и писать. И иноземцев, и русских офицерских, и прочих чинов детей, кои к производству в главные мастера и в другие горные чины надежны» было дано в 1750 г. Обучение предполагалось поручить имеющимся там пастору и священнику. Поводом для этого распоряжения послужила необходимость определения «к научению» сыновей саксонского специалиста Иоганна Гериха, который «впал в пьянство, и от того не токмо в неспособность пришел, но и ума лишился и находится в меланхолии» [10, л. 10об.]. Предполагалось учредить две школы — немецкую и русскую, на содержание которых в 1752 г. из заводской суммы определялось до 500 руб. После обучения школьников «по-русски и по-немецки читать и писать» лучших из них и «по состоянию их родителей», для определения в будущем в главные мастера и прочие гор-

ные чины надлежало отдавать горным штаб- и обер-офицерам и «обучать арифметике и геометрии и хотя малую часть химии». В последующем выучившиеся у горных офицеров ученики подлежали обучению горным и плавильным ремеслам, «чтобы со временем могли из них быть надежные штейгеры, гиттен-мейстеры, знающие поведение всего горного дела, также плавильного, аптрейбергского, зеигерного, фришевального и прочего горного и заводского производства», достойные произведению в горные и заводские офицеры [10, л. 11].

Барнаульская словесная школа начала свою деятельность в 1753 г. Отдельной немецкой школы как таковой создано не было. Вместо этого, как и следовало из приведенных выше документов, лютеранскому пастору вменялось обучать немецкому языку детей иностранных специалистов, а также по несколько человек из детей горных офицеров и служителей, что и выполняли сменявшие друг друга И.Б. Леубе, Э.Г. Лаксман, Гутмакер, И. Габриель.

Барнаульская школа учреждалась, основываясь на «определениях» Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов и действительного статского советника Татищева от 8 февраля 1735 и 11 сентября 1742 гг., копии с которых были списаны и отправлены в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства [11, л. 204об.]. Исходя из этого с полной уверенностью можно утверждать, что школы Колывано-Воскресенских горных заводов являлись прямыми продолжателями просветительских традиций В.Н. Татищева на Алтае.

Под школу была определена изба «о трех покоях», а на Ирбитской ярмарке куплены 60 букварей, часословов, псалтирей и две арифметики [12, л. 20–20об.]. В учителя из Тобольской духовной консистории был определен дьячок Петр Хавов (учитель с 8 декабря 1753 г. по апрель 1756 г., в 1759 г. и с августа 1760 по 1761 г.) с жалованьем в 18 руб. в год. В последующем его поочередно сменили копиист Антон Феденев (с 1757 по 1758 г.), священник С.А. Шелковников (с октября 1758 по март 1759 г. и в 1760 г.) и школьный подмастерье Иван Морозов (с декабря 1761 до 1770-х гг.), получавшие по 24 руб. в год.

Программа словесной школы состояла из чтения и письма, изучения букваря, часослова и псалтири. Главенствующее значение отводилось заучиванию молитв и чтению церковных книг. Поскольку классно-урочной системы тогда еще не существовало (она была введена в учебных заведениях Российской империи в последние десятилетия XVIII в.), занятия велись индивидуально с каждым учащимся, получавшим от учителя задания — «уроки». Основными методами обучения являлись диктовка и воспроизведение заученного учащимися. Завершался курс обучением письму. Учащиеся учились писать буквы и слова на песке и специально изготовленных шифирных —

аспидных досках [13, л. 55–58]. Затем аккуратно переписывали тексты прописей на тех же аспидных досках и бумаге. Содержание прописей было выдержано в религиозном, нравоучительном и верноподданническом духе: «Бога бойся, благочестив будь, благоугоден бытии всем творися», «Глаголи еже есть истина, гнев укрощай, греха блюдися — яко змеина жала», «Всяка болезнь не есть такова вредна, яко супостат домашний» [14, л. 366] и др. В школе обучались мальчики от 5 до 14 лет. Зачисление в школу осуществлялось из признанных годными детей по предварительно составленным спискам сыновей всех служащих горнозаводского ведомства без различия чинов и званий. За невнесение в список полагался штраф. Конкретного срока обучения не устанавливалось. Учебный процесс был круглогодичным и разделялся на трети по 4 месяца. Каждая из третей называлась по месяцу, ее открывающему: январская, майская, сентябрьская. В конце каждой трети учителя, также под угрозой штрафа, обязывались подавать на рассмотрение начальству именные списки и росписи учеников: «Какою наукою в (учебный год) вступили, кто они по именам, каких отцов дети, сколько от роду лет, получающие и не получающие жалованье, и кто из них в какой отлучке находился или болен был в домах и госпитале» [15, л. 11]. Каждому из учеников словесной школы, отцы которых получали до 25 руб. жалованья в год, полагалось платить по 30 коп. в месяц и по 40 коп. в арифметическом классе. Школьникам, отцы которых получали годовой оклад более 25–30 руб., ежемесячного жалованья не полагалось, если же обучалось одновременно два сына, то жалованье платилось одному [11, л. 202–203]. Жалованье полагалось платить всем сиротам и сыновьям отставных служителей.

С 1761 г. в Барнаульской школе было введено обучение арифметике, геометрии, тригонометрии и «знаменованию» (черчению). С этого времени школа в делопроизводственной документации все чаще стала называться заводской. Словесными, геометрии и подобными «школами» стали называться ее классы. Первым учеником, изучавшим тригонометрию, стал сын гиттенфервальтера Иван Иванов Черницын, который в 1761 г. «изучал прямоугольных треугольников синус, тангенс и секанс», а в следующем году тригонометрию [13, л. 100].

Надзор за деятельностью Барнаульской заводской школы ордером из Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства от 4 июля 1755 г. поручался Комиссарскому правлению, выполнявшему функции Барнаульской заводской конторы, а его управляющий становился фактическим попечителем и управляющим школы [11, л. 181]. Долгие годы им состоял горный офицер А.И. Ган [16, с. 35].

Еще одной школой горнозаводского профиля на Алтае была словесная школа Ирбинского железно-

делательного завода, с 1759 по 1770 г. находившегося в ведомстве Канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства. Точная дата ее учреждения неизвестна, предполагаемое открытие относится к лету 1761 г., когда из Канцелярии в Ирбинскую заводскую контору с казаком Степаном Шахматовым были посланы школьные учебники. В 1765 г. «за малостью людей и малолетних детей и за излишним на содержание расходом» школа была закрыта, а учитель Лука Порозов за старостью был отрешен от должности [17, л. 6–29].

Открытие школы Змеиногорского рудника относится к 1760–1761 гг. В 1760 г., во время визита на рудник И.Г. Улиха и И.С. Христиани, местные служащие обратились к ним с просьбой об учреждении словесной школы [18, л. 70–70об.]. В октябре 1760 г. Канцелярия еще не получила представления об ее открытии, вследствие чего можно предположить, что она была открыта зимой 1760–1761 гг. В 1775 г. по решению Канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства было построено новое здание школы, а с начала 1770-х гг. она уже являлась комбинированной, т. е. помимо чтения и письма, в ней уже обучали арифметике и геометрии [19, л. 243–244].

В феврале 1770 г. был отдан указ о учреждении Нижне-Сузунской словесной школы. Первый набор в школу состоялся 15 апреля 1770 г., а в мае того же года учителю Ивану Вяземскому (учитель с 1770 по 1780-е гг.) была дана точная инструкция, чему и как учить школьников, текст которой не сохранился [20, 141–143об., 241]. С 1773 г., с началом изучения школьниками арифметики, школа стала комбинированной, хотя и сохраняла свое прежнее наименование.

Одновременно с Нижне-Сузунской начала свою деятельность школа Ново-Павловского завода (ранее считалось, что она была открыта в 1773 г. [21, с. 13]). Учителем в нее был определен отставной копиист Афанасий Муромский (с 1770 по 1780-е гг.) [20, л. 192об.]. С 1 июня 1773 г. начались учебные занятия в Томской словесной школе [22, л. 76, 88об., 127]. Для преподавания в нее из Нижне-Сузунского завода был прислан бывший «сплейсофенный» ученик Никифор Иванов. Как видно из документов за 1780 г., в Томском заводе «от казармы в линию школа, да сени, где учатся дети мастеровые словесной грамоте». Построена она была мастеровыми и работными людьми из старых амбаров [23, л. 24].

Точные даты учреждения Алейской, Локтевской и Салаирской школ до сих пор неизвестны. В историографии закрепились данные, что Алейская школа открыта в 1783 г., а Локтевская — в 1780–1781 гг. [24, с. 148]. Эти даты, по нашему мнению, являются недостоверными, поскольку Локтевский серебряноцинковый завод был основан лишь в 1783 г.

Алейский завод был основан в 1774 г., начав свое действие в следующем году, закрытие же его от-

носится к 1793 г. [25, с. 97]. По мнению историка А.Д. Сергеева, в 1782 г. при Алейской школе состояло 10 школьников. К моменту же окончательной ликвидации завода в 1799 г. в нем числилось 5 школьников. Были ли это учащиеся в школе или ученики, определенные к ремеслам, остается не выясненным. Исследователь также уточняет, что после закрытия завода небольшая библиотека из 78 книг и двое настенных часов были перевезены в Локоть. Еще ранее, в 1783 г., в Локтевский завод были отправлены какие-то книги из заводской библиотеки [26, с. 29–30]. Таким образом, школа Алейского завода могла возникнуть после 1775 г., открытие же Локтевской школы могло произойти не ранее 1783 г. Начало активной разработки Салаирского рудника началось в 1780-е гг., вследствие чего мы допускаем функционирование там школы в 90-е гг. XVIII в.

Надзор над горнозаводскими школами, кроме Барнаульской, осуществлялся горными конторами и их управляющими. Руководство Барнаульской школой осуществлялось Комиссарским правлением, со временем «к смотрению за школой, библиотекой и чертежной» или же «школой и библиотекой» — «школой и чертежной» стали определять специального чиновника, проходившего службу в Барнауле [27, с. 47]. Данную должность занимали: В.С. Чулков (1770–1771, 1780), Н.Д. Делиль де ла Кроер (1771), И.И. Черницын (1771–1774, 1775–1778, 1780–1785 и с 1789), Н.П. Плохов (1774–1775), К.Х. Бер (1778–1779), А.Т. Столярев (1785–1789). С 1760-х гг. формируется главенствующая роль Барнаульской заводской школы как распределяющей потоки учебных книг и пособий из находящейся при ней в совместном управлении Барнаульской казенной библиотеки, а также пункта пересылки школьников к разбору руд Змеиногорского рудника.

Итак, из-за бурного развития горнозаводской промышленности и острой потребности в образованных рабочих кадрах, нижнего управленческого звена, широкого слоя конторских и канцелярских служащих на Кольвано-Воскресенских заводах сформировалась сеть начальных горнозаводских школ.

Следует отметить постоянный рост численности ученического состава. Если в 1755 г. в Барнаульской словесной школе обучалось 35 учеников, то в середине 60-х гг. XVIII в. их численность могла превышать за 200 чел.

Происходил и рост численности школьников, учававших арифметику. Мы не вполне согласны с мнением тобольской исследовательницы Л.В. Нечаевой, проанализировавшей четырехлетнюю динамику (1763, 1771, 1772 и 1776 гг.) численности учащихся Барнаульской школы и пришедшей к выводу о том, что родители считали вполне достаточным получение элементарного образования в словесном классе [28, с. 94].

Численность ученического состава Барнаульской школы в XVIII в.

Треть	1755 г.				1756 г.				1759 г.				1760 г.				1761 г.							
	Словесная	Арифмет.	Геометр.	Тригоном.																				
I	?	–	–	–	?	–	–	–	36	–	–	–	?	–	–	–	30	–	–	–				
II	35	–	–	–	62	–	–	–	35	–	–	–	?	–	–	–	26	–	–	–				
III	35	–	–	–	?	–	–	–	?	–	–	–	29	–	–	–	?	–	–	–				
	1762 г.				1763 г.				1764 г.				1765 г.				1766 г.							
I	?	?	?	?	45	39	14	1	?	?	?	?	69	32	14	5	76	39	16	2				
II	?	?	?	?	40	45		1	?	?	?	?	69	29	17	6	113	47	13	–				
III	51	45		1	?	?	?	?	63	32	14	5	67	28	18	4	121	64	13	–				
	1767 г.				1768 г.				1769 г.				1770 г.				1771 г.							
I	104	66	18	–	86	76	13	4	137	33	13	2	?	?	?	?	122	50	22	–				
II	?	?	?	?	?	?	?	?					?	?	?	?	?	?	?	?	70	50	21	–
III	?	?	?	?	?	?	?	?					?	?	?	?	116	49	14	2	89	83	25	–
	1772 г.				1773 г.				1775 г.				1776 г.				1778 г.							
I	74	35	35	2	131	72	38	6	140	79	20	–	171	80	10	–	226	15	5	–				
II	85	34	33	2	143	70	32	6	?	?	?	?	163	27	5	–	228	15	5	–				
III	?	?	?	?	123	79	31	3	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?				

Источник: [11, л. 59–60, 163–166; 29, л. 355–357, 480–482; 14, л. 77–79, 221–223, 366–367об.; 13, л. 259–280, 400–405об., 421–427об.; 30, л. 123–130об., 326–333об.; 15, л. 7–9, 11–18об., 36, 61–69; 31, л. 161–172об., 355–365об., 370–379; 32, л. 158–183; 33, л. 135–137об.; 34, л. 301–328, 492–511; 35, л. 266–277, 284–294, 298–307; 20, л. 243–270об.; 36, л. 526–549, 748–771].

Родители не могли считать или не считать достаточным, какой уровень образования давать их детям. Вступление в заводскую школу являлось началом практически пожизненной службы мастерового, а успешное обучение могло лишь послужить для него «социальным или профессиональным лифтом» [37, с. 74]. «Неспособность» и неприлежание чаще всего служили фактором, определяющим то, что значительная часть учеников обучалась лишь в словесных классах. Хотя мы не исключаем и искусственную регуляцию руководством в данном вопросе в эпоху военно-горного строя.

Помимо отмеченных в таблице 1 школьников, с 1 декабря 1762 г. по декабрь 1766 г. нами зафиксировано обучение по первым трем классам 22–23 сыновей, «определенных в горную команду гренадеров, солдат и драгун», обучавшихся за счет средств отцов [18, л. 108]. Это единственный массовый случай обучения своекоштных воспитанников в XVIII в., хотя, как известно, горное начальство не ограничивало прием платных учащихся в школы.

Фрагментированная выборка численности школьников четырех горнозаводских школ также демонстрирует рост количества учащихся.

Всего же в пяти горнозаводских школах в 1775 г. обучался 581 ученик. Учитывая рост численности школьников, можно предположить, что к 1780 г. их численность могла приблизиться к 800 чел.

По силе определения, отданного 12 мая 1763 г., нормативно-правовое закрепление получила практика отправки школьников к разбору и промыванию руд [30, л. 131–131об.]. Мальчики же, достигшие 15-летнего возраста, зачислялись в действительную службу — в рудоразборщики. При этом упор делался на отправку в Змеевский рудник назначенных к разбору и промыванию руд «многих непонятных, которые к обучению впредь грамоте и арифметике ненадежны, а притом, рассуждая, о надобных к нужным мастерствам в ученики, кои по состоянию и понятности надежны». Из этого следует, что горное начальство, заботясь о подготовке квалифицированных специалистов, старалось не определять смекалистых и способных подростков, пусть и не успевавших в обучении школьной грамоте, в рудоразборщики.

Отправке в рудоразборщики, т. е. зачислению в действительную службу, подлежали те, «которые по летам и возрасту, а другие за непонятием к учению и по долговременной их в школе бытности»

Численность ученического состава горнозаводских школ Алтая в 70-х гг. XVIII в.

Школа		Змеиногорская				Томская				Нижне-Сузунская				Ново-Павловская			
Год	Треть	Словесная	Арифмет.	Геометр.	Тригоном.	Словесная	Арифмет.	Геометр.	Тригоном.	Словесная	Арифмет.	Геометр.	Тригоном.	Словесная	Арифмет.	Геометр.	Тригоном.
1771	I	?	?	?	?	?	—	—	—	52	—	—	—	38	—	—	—
	II	?	?	?	?	?	—	—	—	?	—	—	—		—	—	—
	III	?	?	?	?	?	—	—	—	?	—	—	—		—	—	—
1773	I	111	28	14	—	34	—	—	—	?	?	—	—	?	?	?	—
	II	69	12	12	—		—	—	—	63	—	—	—	?	?	?	—
	III	?	?	?	—		—	—	—	56	—	—	—	?	?	?	—
1774	I	145	31	13	—	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?
	II	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?				
	III	?	?	?	?	49	3	—	—	99				61			
1775	I	93	23	7	?	43	3	—	—	99	12	—	—	61	4	—	—
	?				?	?	?	?									
	?				?	?	?	?									
1776	I	155	15	1	—	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?
	II	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?
	III	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?

Источник: [38, л. 292–299об.; 39, л. 177–178; 22, л. 127–130, 195–197об., 228–230, 526–534, 568об.–573; 20, л. 141–143об.; 40, л. 424об. — 430; 41, л. 1–6; 42, л. 29–36, 101–109].

[33, л. 258]. В 1760-е гг. каждому из определенных к разбору руд полагалось ежедневное жалование в 3 коп. Зачисленным в службу промывальщиками и рудоразборщиками назначался годовой 12-рублевый оклад.

К 1775 г. подход к определению в рудоразборку изменился, и связано это было с увеличением объемов выплавки металлов. Так, из рапорта Змеиногорской конторы следует, что из добытых на руднике руд Канцелярией горного начальства повелевалось — «знатное количество» (руд) к отправке на заводы заготовить, вследствие чего «прилагать неусыпное старательство» и «работных людей к тому приумножить» [36, л. 61]. К этому же времени относятся и назначение к разбору руд крестьянских детей. Также был пересмотрен порядок начисления жалования. Ученикам, бывшим уже у разбора руд в течение последних 3–5 лет, назначалось жалование по 6; 1–2 года по 5; вновь вступившим и до одного года по 4 копейки за рабочий день. Аналогичное жалование выплачивалось и крестьянским детям. В 1770-е гг. сложился фактор сезонности отправки школьников на Змеиногорский рудник. Выезд их из заводов происходил в апреле, чтобы с начала майской трети производить им указанное жалование. Обратная же отправка назначалась на 1 октября.

Транспортировкой и сопровождением школьников занимались направляющиеся на Змеиногорский рудник горнозаводские служители либо военнослужащие местного батальона, которым давалась денги на поверстную оплату наемных крестьянских подвод. Каждому из таких сопровождающих давалась специальная инструкция — наставление, где строго-настрого повелевалось: «...едучи дорогою, за оными школьниками иметь доброе призрение, чтоб ни какой тягости и нужды не имели и для того и особливового вреда получить не могли. На принятые денги покупать пищу, довольствовать их с верною запискою без всякого недостатка. Сверх того за тем смотреть чтоб шаловства, резвости и по деревням озарничеств произведено и из собственного шкарбу и денег ничего потрачено отнюдь не было под твоим ответом и взысканием... Будучи в пути, обид, налогов и притеснения никому не чинить. Подводчикам прогонные денги все сполна платить. Также безденежно ничего не требовать и не брать» [42, л. 58–58об.]. Нехитрый ученический «шкарб», за сохранностью которого следовало наблюдать, чаще всего состоял из определенного набора вещей, например, школьника Александра Тимофеева Балагурова из Нижне-Сузунского завода: «Ящик деревянный с висячим замком — 1; зипун серого сукна — 1; платков — 2; шуба баранья — 1; рубах холщо-

вых с портами — 5 пар; шапка синяя — 1; шляпа — 1; опояска — 1; рукавицы с варегами — 1; чарков — 2; чулков вязанных — 2; войлок шерстяной — 1; денег — 78 ½ копейки» [43, с. 60].

Руководство школьниками и рудоразборщиками на Змеиногорском руднике, как правило, поручалось одному-двум горным офицерам и нескольким унтер-шихтмейстерам (унтер-штейгерам). В 1789 г. в летнее время при рудоразборке находилось 300 рудоразборщиков; а также школьников Змеиногорской школы — 221, Барнаульской — 143, Павловской — 53, Сузунской — 89 и Алейской — 6 чел. Всего при разборе руд состояло 812 чел. [44, л. 252об.]. Труд школьников-рудоразборщиков применялся при поверхностных работах.

С 80-х гг. XVIII в. из-за экстенсивной разработки месторождений применялся и зимний труд рудоразборщиков и школьников в специально обустроенных для этого сараях, вмещавших до 500 чел.

Важнейшим видом подготовки профессиональных кадров, помимо обучения элементарной грамоте в горнозаводских школах, было прохождение бывшими школьниками через существовавший с давних времен «институт» ученичества. Значимые решения в данном вопросе были приняты в 1760-х гг.

В 1765 г. в указе, поступившем из Кабинета, был отмечен как штатный недокомплект, так и недостаток, возникший вследствие открытия новых заводов, в учениках, состоявших при мастерах, осуществлявших главные горные и заводские операции. Указывалась необходимость иметь запасное число «мастерских» учеников: «чтоб в случае выбыли (действующих мастеров), могли те места заступить и были искусными и надежными в том деле мастерами и руководителями». Акцентировалось внимание на плохом уровне подготовки при местных заводах горнотехнических кадров. Коллежскому советнику И.С. Христиани к уже ранее избранным было велено набрать определенное число школьников, обученных арифметике, геометрии, тригонометрии и рисованию или «в твержении оных последних частей находящихся», коих в сочиняемый штат (заводов) внести» [45, л. 143об.–144]. Обер-гиттенфервальтеру А. Гану и другим заводским горным офицерам поручалось «плавильному, пробирному, и аптрейбергскому делам, для самого аккуратного произведения тех долж-

ностей, с прилежностью обучать» учеников, а самому И.С. Христиани иметь над ними надзор. Получив законодательное подкрепление, с указанного времени практика ученичества обрела широкое распространение при всех типах горного и заводского производства Кольвано-Воскресенских предприятий. Ярким примером такого вида ученичества было определение нескольких школьников к строительству паровой машины И.И. Ползунова [46, с. 248–249]. Выше названным указом повелевалось: «...выбрать ему (И.И. Ползунову) из офицерских и других служителей детей, и из школьников, или же из унтер-офицеров в учение человека два или три, которые арифметику и геометрию хорошо знают, понятие, и способность к тому имеют» [45, л. 121об.]. И.И. Ползунову надлежало «для научения, при построении выше означенных машин употреблять, а между тем, теоретически первым механическим принципам и правилам обучать, наставлять и ясно толковать, дабы от них помощь получать мог» [45, л. 122].

Таким образом, определенные в помощь для постройки первой паровой машины к И.И. Ползунову подростки, по замыслу Кабинета, в последующем должны были участвовать при постройке подобных паровых машин при недавно разведанных серебряно-свинцовых Лазуровском и Семеновском рудниках.

Быстрые темпы промышленного освоения ресурсной базы региона во второй половине XVIII в. привели к строительству новых предприятий и производственных мощностей. Для устройства заводов требовалось создание местной инфраструктуры. Ускоренными темпами возрастала потребность различного типа служащих, как управленческого, так и производственного профилей, обладающих хотя бы начальным уровнем грамотности. Данным обстоятельством был обусловлен рост числа начальных горнозаводских школ во второй половине XVIII в.

Понимание недостаточности привлечения иностранных специалистов для успешного функционирования заводов и рудников, а также освоения новых природных богатств интенсифицировало практику горнозаводского ученичества с 1760-х гг., что в свою очередь актуализировало потребность подготовки местных кадров со среднетехническим образованием и последующего учреждения Горного училища в Барнауле.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 163. — Оп. 1. — Д. 318.
2. ГААК. — Ф. 126. — Оп. 1-доп. — Д. 2.
3. ГААК. — Ф. 132. — Оп. 1. — Д. 18.
4. Нечаев Н.В. Горнозаводские школы Урала. — М., 1956.

5. Петунина Е.В. История становления начального профессионального образования в Алтайском крае // Известия Алт. гос. ун-та. — 2011. — № 4/1.
6. Бородаев В.Б., Контев А.В. При каждом заводе иметь особливую школу // Ползуновские чтения 1996 года. — Барнаул ; Усть-Калманка, 1996.
7. Контев А.В. Формирование системы медицинского обслуживания на территории Алтайского края в XVIII веке // Избранные страницы: Клубу любителей алтайской старины — 20 лет : сборник. — Барнаул, 2011.
8. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 24.
9. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. — Новосибирск, 1981.
10. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 148.
11. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 203.
12. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 129.
13. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 323.
14. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 281.
15. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 426.
16. Пережогин А.А. Чиновничество Алтая (1747–1871 гг.): справочник личного состава. — Барнаул, 2012.
17. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 434.
18. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 321.
19. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 715.
20. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 581.
21. Энциклопедия образования в Западной Сибири: в 3 т. — Барнаул, 2003. — Т. 1.
22. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 573.
23. ГААК. — Ф. 169. — Оп. 1. — Д. 79.
24. Костенков П.П., Маслениковский С.И., Степанская Т.М., Шестаков А.В. Культура в XVIII — первой половине XIX вв. // История Алтая. — Барнаул, 1983. — Ч. I.
25. Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья: от античности до начала XXI века. — Барнаул, 2006.
26. Сергеев А.Д. Алейский свинцово-сереброплавильный завод // Ползуновский альманах. — 2004. — № 2.
27. Пережогин А.А. Военизированная система управления Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). — Барнаул, 2005.
28. Нечаева Л.В. Горнозаводские учебные заведения Алтайского края во второй половине XVIII столетия // Проблемы истории Сибири : сб. науч. трудов, посвященный 80-летию проф. Ю.П. Прибыльского. — Тобольск, 2006.
29. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 219.
30. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 348.
31. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 439.
32. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 448.
33. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 471.
34. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 549.
35. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 553.
36. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 723.
37. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. — Томск, 2007.
38. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 548.
39. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 552.
40. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 681.
41. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 765.
42. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 768.
43. Бабарыкин Б.В. Сузунская горнозаводская школа в XVIII — начале XX в. // Поселок сибирской монеты: Сузуну — 250 лет. — Томск, 2014. — Т. 1.
44. ГААК. — Ф. 169. — Оп. 1. — Д. 574.
45. ГААК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 411.
46. Савельев Н.Я. Сыны Алтая и Отечества. Ч. II: Механикус Иван Ползунов. — Барнаул, 1988.